



ТЕЗИС ПО АРХАИЗМАМ В ПОЭЗИИ ТОМАСА ЧАТТЕРТОНА.

Норхонова Шохиста Дилшодбековна

E-mail: i1shohistanorhonova@gmail.com

Магистр 1го курса,

научный руководитель: Муродова Дилдора Арабовна

преподаватель кафедры узбекской и русской филологии

Азиатского Международного Университета,

города Бухары

Архаическая лексика в английском языке чаще всего осмысливается в контексте романтической поэтической традиции. Подобная интерпретация, по-видимому, восходит к художественной практике Эдмунда Спенсера, который в поэме «Королева фей» сознательно воспроизводил языковые и стилистические модели средневековых авторов. Как указывает Ноэль Осселтон, подобный подход вызывал у части современников поэта резкую критику: использование устаревших форм воспринималось ими как нарушение языковой нормы и отход от общепринятых представлений о литературном вкусе [1]. Ориентируясь на творчество Джона Лидгейта и Джеффри Чосера, Спенсер, по оценке Филипа Сидни, чрезмерно увлёкся языковыми экспериментами. Известное высказывание Бена Джонсона о том, что «Спенсер, подражая древним, не пишет на языке», отражает негативное отношение к его поэтическим приёмам, характерное для части литературного сообщества начала XVII века [2]. В этот период многие авторы всё чаще отдавали предпочтение поэтическому стилю, ориентированному на языковую норму и повседневное употребление своей эпохи.

Писатели-романисты, как правило, не стремятся к точному воспроизведению исторической реальности, в связи с чем архаизмы, используемые в романах, нередко выступают либо как проявление неоклассицистских тенденций, либо как элемент своеобразной текстовой экзотики [3]. К первому типу относятся различные возрожденческие направления, в рамках которых литературные практики прошлого провозглашаются более значимыми по сравнению с современными. Показательным примером является творчество прерафаэлитов, сознательно ориентировавшихся на средневековые эстетические модели в качестве художественной альтернативы реализму XIX века.

Архаизм, в отличие от единичной текстовой аллюзии, ориентирован не столько на отсылку к конкретным произведениям, сколько на воспроизведение целостной исторической языковой идиомы. Если аллюзия функционирует локально, в пределах отдельных фрагментов текста, то «архаистические» произведения, анализируемые в данной работе, не ограничиваются эпизодическим использованием устаревших форм. Напротив, они последовательно и системно задействуют архаическую литературную



идиому, в результате чего создают тексты, формально сходные с имитациями исторических жанров, — такими, как неософоклевская трагедия XVIII века или псевдовикторианский роман XX века [4].

В отличие от иных форм интертекстуальности, архаизм вступает во взаимодействие не только с отдельными предшествующими текстами, но и с историческими литературными практиками в целом. В своих наиболее концептуально значимых проявлениях архаизм соотносится с прошлым по меньшей мере в двух измерениях. Прежде всего, на уровне текста он репрезентирует совокупность различий между историческими и современными культурными моделями. Архаическая «чуждость» дистанцирует прошлое, одновременно отражая историцистское понимание истории, в рамках которого социально-историческая реальность осмысливается через её материальную и идеологическую специфику [5].

Короткий творческий путь Томаса Чаттертона прежде всего выделяется созданием корпуса апокрифических произведений, в которых поэт осуществляет воображаемую реконструкцию средневекового прошлого родного Бристоля. Этот проект сделал Чаттертона своеобразным предшественником как исторических романов Вальтера Скотта о Вэверли, так и более поздних литературных практик. Как отмечает Дональд С. Тейлор, подобные художественные конструкции формируют то, что он называет «странами разума», — вымышленные культурно-исторические пространства, к которым относятся Уэссекс у Томаса Харди, Йокнапатафа у Уильяма Фолкнера и Средиземье у Дж. Р. Р. Толкина.

Обращаясь к средневековой литературе и антикварным источникам, Чаттертон сформировал особую языковую систему, включающую около 1800 лексических единиц. Однако, вопреки распространённому ранее мнению, данный словарный корпус не являлся результатом произвольного вымысла, а был составлен на основе подлинных для поэта источников. Архаизация, применяемая Чаттертоном, может быть интерпретирована как форма текстуальной имитации в понимании Жерара Женетта [4].

Стихотворения Чаттертона о Роули занимают особое место среди образцов антикварной художественной литературы. Несмотря на поэтическую форму, по своим художественным приёмам они располагаются на пограничной линии между романтическим и классическим историческим романом [3]. Архаизм выступает у Чаттертона в качестве ключевой художественной стратегии, посредством которой он стремится репрезентировать историческое общество через систему присущих ему культурных практик, фиксируя момент перехода от романтической поэтики к эстетике исторического романа [2].



Список литературы

1. Osselton Н. История английского языка. — М.: Прогресс, 1986.
2. Брайден И. Мифологический образ: Чаттертон, король Артур и геральдика // *Томас Чаттертон и романтическая культура* / под ред. Н. Грума. — Нью-Йорк: Макмиллан, 1999. — С. 64–78.
3. Баттерфилд Г. Исторический роман: эссе. — Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 1924.
4. де Серто М. Письмо истории / пер. с англ. Т. Конли. — Нью-Йорк: Изд-во Колумбийского университета, 1988.
5. Чаттертон Т. Стихотворения, предположительно написанные в Бристоле в XV веке Томасом Роули и другими. — Кембридж: Merril and Lunn, 1799.